

Южное направление

Автор:

Олег Янков

Южное направление

Олег Янков

Если верить всему, что видят глаза, то жизнь перестанет быть скучной. Если же задумываться о том, что именно показали твоим глазам, то мир станет опасным. Что выберешь?

Южное направление

Олег Янков

© Олег Янков, 2018

ISBN 978-5-4490-8058-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Уже прошло немногим более года после моего посещения Байкала. Кажется, что это было совсем недавно, а на самом деле эти двенадцать месяцев стали ещё

одним приобретением в личный календарь прожитой жизни. Не знаю кому как, а мне иногда страшновато пользоваться такими категориями, как «а помнишь год (пять, десять) назад?» Чем становишься старше, тем реже используешь наречие «вчера», упорно заменяя его числительным от единицы и больше, а существительное «год», используешь только во множественном числе. Интересно, эти размышления появляются от старческого пессимизма, или от появляющейся мудрости?

Немногим более года прошло после посещения озера, и я снова оказался на берегу водоёма. Теперь это было Чёрное море, на которое мы с женой решили выбраться. Из-за нашего совместного неумения проводить время в курортной зоне, поездка к морю планировалась не больше, чем на неделю. Но уже к концу третьего дня скука от пляжного ритуала начала нарастать. Утренний подъём, умывание и показушная радость от утреннего купания, возвращение на базу для принятия кофе и последующего повторного сбора на пляж, с которого только что вернулись. Безделье на песке и разморенное возвращение в съёмное жильё на обед и опять подготовка к вечернему променаду на морской берег – всё это начинало напоминать обычные рабочие будни. Не скрою, я видел многих довольных и весёлых людей, передвигающихся в противоположных направлениях относительно береговой черты, но, наверное, тем и хорош отдых на море, что его все воспринимают по-разному – кому-то он в радость, а кто-то воспринял его, как рутину уже на четвёртый день.

Появление ощущения курортного однообразия дополнилось весёлой мелодией из моего мобильного, которая могла воспроизводиться только от звонка одного единственного человека. Даже не глядя, от кого поступил вызов, я открыл телефон и заговорил бодрым голосом.

– Алло! Здравствуйте! Вы позвонили майору. Если вам скучно – нажмите один. Если у вас проблема – нажмите два. Если вам приспичило кого-то посадить – нажмите и удерживайте дизел! Чтобы прослушать меню ещё раз....

– Решётку надо тиснуть, балда, а не дизел! Здорово, бродяга! Как сам?

– Привет, Валера! Я не сам, я с женой. Какие у тебя новости?

– Все новости у вас в степи Донецкой, парень молодой.

- Мы не в степи, мы к морю выбрались.
- Оп-па! В Крым, что ли? И где именно?
- На западе. За Евпаторией.
- Как называется ваш курорт?
- Посёлок Черноморское. Хочешь приехать?
- Не, пока не могу. Как отдыхается? Море уже видел?
- И видел, и щупал. Оно мокрое. Что у вас стряслось?
- Здесь вопросы задаю я! Ещё долго собираешься втираться в доверие к местным?
- Вообще-то уже наскучило. Очень похоже на то, что завтра поеду за билетами.
- Это правильно. Это настолько правильно, что заказывай билеты аж до Самсона. Сможешь?
- Я смогу заказать билеты аж до Амазонки, только поеду я куда-то, кроме как домой, после....
- Не суетись, братик, я в курсе твоих требований. Самсон просит тебя помочь. Без криминала. Типа общественная организация «майоры без границ». Приедешь?
- Знаете, любезный, ваш Байкал был тоже без криминала, и тоже был сладко предложен.
- То был форс-мажор.
- Да хоть форс-бемоль-минор! Что случилось?

- Не уполномочен, братик, не уполномочен.

- Хоть намёком свистни.

- Не выпытывай. Самсон просит тебя приехать. Это всё, что могу сказать. Решай и перезвони мне, добро?

- Ладно, через пять минут жди.

- Кто требует твоего тела? Самсон? - спросила жена, подошедшая на звук телефонной мелодии.

- Ага. Помощь без криминала от «майора без границ».

- Это Валера тебя так окрестил?

- А кто ещё? Предлагает брать билеты к ним в логово и ехать, хоть сейчас.

- Что думаешь?

- Я бы поехал. С тобой. Мне так спокойнее - не буду переживать, что ты куда-то влипнешь.

- Ты сейчас о ком говоришь? Это кто куда-то влипает? Это ты катастрофа.

- Ладно, наговаривать. Ну, что, едем?

- Я думаю, что поездка будет веселее, чем сидение здесь. Перезванивай!

Самсон принял нас сразу же по приезду в пансионат, перешедший к нему от Лесника, как эстафетная палочка.

Мы с женой расположились в удобных креслах, стоящих около фуршетно-журнального столика, сооружённого из старого деревянного колеса от не менее старой телеги, покрытого толстенным стеклом зеленоватого оттенка. Всем собравшимся, а это нам с женой и Самсону, принесли кофе и галетное печенье.

Курить было не рекомендовано. Ну, и ладно.

Самсон Леонидович во вступительном обращении строго придерживался протокола вежливого приёма гостей, проявляя радушие в позе, жестах и в заинтересованности в наших с женой показателях здоровья, степени усталости от поездки и в готовности внести посильную лепту в непростое дело, которое, собственно, и привело нас в орденоносный Воронежский пансионат. На словах всё это прозвучало так.

- Ну, как дела?

- Спасибо, Самсон Леонидович, пока держимся. Как ваше здоровье?

- И тебе спасибо, что спросил. Надеюсь, что не просто из вежливости.

- Не сомневайтесь.

- Тогда будем считать начало беседы пройдено. Как у вас со свободным временем?

- Есть немного, а что?

- Мне нужна твоя... ваша помощь. Дело, на мой взгляд, простое. Хотя, зная тебя, могу предположить, какой будет финал. А для этого, в качестве сдерживающего фактора, я прошу твою жену поехать с тобой. Мне кажется, что её присутствие в разы уменьшит возможность инопланетных контактов и отдалит, насколько это в её силах, возникновение гражданской войны. Хорошо, что это была только шутка. Теперь перехожу к делу. Место - город Симферополь. Крым. Фирма - «Крымстройинвест». Руководитель фирмы - Баранник Игорь Фёдорович. Русский, шестьдесят пятого года, Минская академия экономики и права, разведён, дочь проживает в Англии. Пропал. С ним или без него пропали деньги - пять миллионов долларов. Поскольку обе пропажи обнаружались в один день, то предполагается прямая связь между этими пропажами. Теперь, что конкретно тебе можно знать - в этой фирме есть мои деньги и деньги одного моего....

- Коллеги по бизнесу.

– Именно. В этой фирме, согласно документам, есть наши сорок пять процентов, на самом деле больше. Мы очень заинтересованы в том, чтобы понять, что произошло и почему. Непосредственно пропажами официально занимаются менты – это, надеюсь, понятно. Кроме того, мои люди и люди моего коллеги тоже там....

– Без дела не сидят.

– Спасибо за подсказку! Именно это они и делают, но, пока, без результата. Сегодня, кстати, ровно неделя с пропажи Баранника. В чём состоит просьба? Езжай в Симферополь. Походи по этой фирме, покрутись, посмотри по сторонам. В ментовское следствие не лезь, и, соответственно, нашим спецам не мешай. Мне понравился твой вопрос – «что не так», помнишь? Так вот, моя просьба – посмотри, что там не так с этой фирмой и пропажей.

– Пропажами.

– У тебя будет возможность на всё поглядеть свежим взглядом. Можешь с кем-нибудь поговорить и, самое главное, ты лицо незаинтересованное, а, значит, объективное. Теперь о моей помощи. Вам забронировали номер в гостинице, в этот «Инвест» тебе выпишут пропуск. Для всех любопытных – ты мой консультант. Если, вдруг, тебе понадобится что-то от наших людей или от ментов, то звони мне, и я решу вопрос. Мне лично можешь звонить в любое время. Докладывать будешь тоже лично мне. Валеру хочешь в помощь? Ну да, глупо было бы ждать от тебя отказа. На всякий случай повторяю задание – ты не следователь и не мой представитель, ты – мой консультант и только! Ты смотришь, что там не так. Что есть не понятного?

– Пока всё понятно, только, если мне надо будет что-то спросить у работников фирмы, не пошлют они меня куда-нибудь? Мне сам посыл не беспокоит, меня будет беспокоить недополучение информации.

– Та-ак, уже начинается. Валера покажет тебе человека, который... я сам попрошу того человека не посылать тебя. Это всё?

– Нет. Скажите, Баранник, чей человек, ваш? Или вашего коллеги?

– Это наш человек.

– Так не бывает. При двух компаньонах невозможно иметь человека, предложенного двумя одновременно. Один из вас его предложил, а второй согласился. Кто его предложил?

– Зачем тебе такие подробности?

– Ну, как зачем.... Вот смотрите – я приезжаю, как ваш консультант. Обо мне знают ваши спецы и спецы вашего компаньона, так? Вы сможете утвердительно ответить мне, что ни у кого не появятся подмётные мысли о том, что раз ваш протеже исчез с деньгами, то вы можете быть в курсе причины его исчезновения и соответствующей пропажи денег? Не воспримет ли кто-то мой приезд, как именно вашу попытку устаканить дело в вашу же пользу? Знает ли ваш компаньон о том, что я еду и с каким заданием? Ведь, по сути, в Симферополе сейчас проходит олимпиада между ментами, вашими детективами и людьми вашего компаньона. А в качестве главного приза будет не грамота с шоколадной медалью, а деньги и впадение в качественность вам и вашему коллеге, поэтому и будет устроено соревнование между тремя группами спецов.

– Я поздравляю себя с решением отправить в Симферополь именно тебя! Мыслишь ты правильно. Ответы «нет», «нет» и «да». Мой компаньон прямо сейчас смотрит и слушает наш разговор, поэтому морально-этическую подоплёку моей просьбы оставим за бортом. Будет ли кто-то что-то думать? Будет и, даже, должен, но этого я запретить никому не могу. Само расследование тебя должно интересовать, как послеобеденная новость, не больше. Твоё дело – что там не так, и всё. За рамки этого вопроса ты не выходишь. А участники олимпиады имеют параллельные задания, и между ними нет соревнования. Я могу рассчитывать на то, что ты меня правильно услышал и понял всё буквально?

– Это, значит, что нас передают в прямом эфире? А в какую камеру передавать привет?

– Ты понял, о чем я тебе сказал?

– Понял. Но есть ещё один вопрос, можно?

– Один.

- Пропавшие деньги, они какие? Наличные из сейфа или безнал со счёта?
- Подходящий вопрос. Наличные из сейфа.
- Зачем в строительной фирме в сейфе лежат такие суммы?
- Пока не ясно. Возможно, деньги предназначались на взятки.
- Ни хрена себе! Вот это взятки! После такой взятки и сесть не грех!
- Следи за своими словами, не в туалете сидишь.
- Простите. Я всё понял из сказанного вами буквально.
- Пока верю. Надеюсь, что жена за тобой присмотрит. Завтра можете выехать. Предлагаю поезд, билеты получите на вокзале. В Симферополе вас встретят и поселят. Машина у вас будет. Особые просьбы есть?
- Нет.
- Тогда с Богом!

СИМФЕРОПОЛЬ. Столица современного Крымского ханства, которая встретила нас толчейей, была жаркой, суетливой и многоговорящей. Первое, что пришло в голову, было непонимание. Почему столица курортно-пляжно-оздоровительного полуострова, имела тридцати пяти километровую прослойку из песка и земли до ближайшей береговой черты? Может быть, крымские люди богатые и могут позволить себе такие громадные пляжи? Или место под столицу выбрано случайно? Лично я не страдал от такого отдаления от берега Чёрного моря, но вопрос не находил вразумительного ответа и не уходил из головы.

Нас, естественно, встретили, посадили в машину и через двадцать минут изучения архитектуры города через боковое стекло, поселили в гостинице, дав приличный двухместный номер для нас и одноместный, но тоже приличный, для Валеры.

Знакомство с номером, душ, опустошение от вещей наших чемоданов и выбор стороны, на которой кому спать – вот такой краткий перечень неотложных дел, которые заняли у нас первые сорок минут Симферопольской жизни. Зная характер Валеры, могу предположить, что занимался он тем же и то же время, исключив из нашего списка терзания из-за выбора края, с которого ему предстояло спать. Поэтому, наша жизнь в Крымской столице началась планомерно. За исключением стука в дверь нашего номера Валериным кулаком. Стук был громким и частым, поэтому ни одна шутка в голове не родилась, и мне пришлось молча открыть дверь.

– Две минуты на сборы и спуск на первый этаж. Нас ждут в кафе.

– Я, видимо, сильно пожалею, что задаю этот вопрос. А кто нас ждёт?

– Хер в пальто! Твой знакомый по Чехии. Ты с ним конину бухал после драчки в кабаке с Султаном.

– Я, видимо, снова сильно пожалею, что задаю следующий вопрос. А зачем мы ему?

– Ты, блин, не жалея, а одевайся! Это ты с ним пил на брудершафт, а не я. Поэтому он передо мной и не отчитывается. Осталась минута. Ещё будешь сожалеть о вопросах, или пойдём?

– Кто это? – Спросила меня жена, совершенно эмоционально не реагируя на нервозность Валеры.

– Это контрразведка Самсона и его коллеги. Я, правда, не помню, как его зовут.

– Давай, шевелись! Таких, как он, не зовут. Таким, как он – представляются, стоя по стойке «смирно».

– Тебе есть из-за чего переживать? – Таким же спокойным голосом спросила жена, переместившись от зеркала к входной двери.

– Пока нет, но может появиться.

Кафе было через дорогу от гостиницы. Мой «брудершафтный знакомый» сидел за столиком у окна и пил что-то из чашки. В самом помещении сильно пахло жареными чебуреками и прогорклым маслом.

– Здравствуйте, присаживайтесь! Мобилки на стол, сумочку – на спинку. Закажите что-нибудь. Кофе тут хороший, питаться тут не советую. Потом покажу, где есть хорошая кухня. Итак, мне о тебе сообщили, а тебя просветили, как себя правильно вести. В задании от Самсона появилось дополнение – ты докладываешь, или о чём-то просишь уже двоих. Второй – это я. Можешь созвониться с Самсоном и переспросить. Отклонений от этого правила, а это правило, не будет. Дальше. Я не совсем понимаю твою задачу, поэтому мешать тебе не буду ни в чём до тех пор, пока ты не начнёшь мешать мне. По просьбе Самсона я сделал тебе пропуск в «Инвест», твоей жене – визитный пропуск. Завтра отправитесь в фирму. С десяти часов у них будет проводиться собеседование и консультационный тренинг для подбора персонала. Персонал – это твоя жена, хотя, на самом деле, устраиваться на работу она не будет. Ваша задача – смотрите по сторонам, анализируйте. На этом тренинге было бы неплохо тебе засветиться. Поспорь, выскажись..., одним словом, дай себя запомнить, чтобы о тебе заговорили, пусть даже и не лестно. Я отслежу их реакцию. С сотрудниками фирмы можешь разговаривать сколько угодно и о чём угодно, но никаких намёков или прямых вопросов по текущему делу. Непосредственно к начальству не приближайся. Если кого увидишь из руководства – сделай загадочный вид и, если придётся, отвечай уклончиво и намёками, как будто ты всё уже давно знаешь и понимаешь. Это тебе задание на завтра и послезавтра. Я наберу Валеру, и мы снова встретимся. Я сообщу где. Там сможешь задать вопросы, если они появятся. Пейте кофе, отдыхайте. Послезавтра я перезвоню. До свидания!

Он встал и вышел из кафе. Мы дружно переглянулись и по очереди вздохнули. Первым подал голос Валера.

– Это он тебя коньяком поил?

– Ага.

– Сдружились вы с ним, сдружились. Если завтра вы пойдёте в фирму, что мне делать?

– Вместе пойдём.

– Ладно. Тогда я займусь нашей тачкой.

Тот, кто был в Симферополе, поймут мои впечатления об архитектуре и структуре этого города. Основываясь только на личных впечатлениях и избегая авторитетности собственного мнения, могу сказать, что я не понял этот город. Хотя, моё мнение не интересует никого, включая и самих горожан, однако оно, мнение, есть. Мне Симферополь напомнил довольно крепкое село, неожиданно для него самого объявленного не только городом, но и столицей. Бесшабашная смена домов сельского типа и сверкающих стеклом многоэтажек, напоминало заманчивый, но безвкусный коктейль, украшенный зонтиком. В полуподвале обшарпанной Хрущёвской несколькоэтажки располагалось казино с громким названием и уличным швейцаром. В добротном трёхэтажном доме с колоннами, в котором, судя по пустым оконным глазницам, никто не жил, снова-таки в полуподвале, находился клуб любителей рока. И, конечно, главное, и отдельно стоящее здание – монумент власти и самодовольства, домина парламента.

Соседние улицы, как специально, через одну были мною причислены к разряду «частного сектора». Мы нашли даже Симферопольский Арбат – пешеходную улицу вдоль дорогущих и размалёванных магазинов. Этот Арбат упирался в другую, не менее яркую, но, уже, проезжую улицу с подземными переходами, кинотеатром и продмагами более упрощённого вида и внутреннего содержания.

Всё было хаотично настроено, но довольно чисто. «Денежные» дома уверенно вытесняли те, которые были попроще кошельком, но зелени хватало. С чем можно было бы сравнить Симферополь? Пожалуй, с самой страной, бездумно швыряющей деньги на внешний лоск, шарахающейся от одного стиля к полному отсутствию стиля вообще и постоянно лгущей сталью, бетоном и тонированным стеклом офисных коробок.

В трёх кварталах и двух поворотах налево и находился главный штаб «Крымстройинвеста». Мощь многоэтажного исполина обманывала входящих посетителей обилием расколотой тротуарной плитки и почерневшими трещинами на отштукатуренной под «шубу» цокольной отделке метровой высоты. Стоящие в случайном порядке дорогие машины перекрывали подходы к самому зданию, а на отдельном парковочном месте для инвалидов кто-то поставил свой внедорожник строго поперёк очерченного на асфальте места,

захватив, тем самым, два соседних места для стоянки.

В здание фирмы мы с женой вошли в половине девятого утра. Валера, пообещавший оставаться на телефонной связи, сидел в машине, которую нам выделили для путешествий от гостиницы до любого нужного нам места. Звали машину «Вольво».

Охранник без удовольствия посмотрел на нас и очень неохотно вернул нам наши пропуска. Когда мы миновали турникет, он решился на разговор с нашими удаляющимися спинами.

– Офис работает с девяти, ещё никого нет.

– А мы уже есть.

– Мне надо записать ваши пропуска.

– Мне уже пора себя запоминать, или чуток погодить? – Шёпотом спросил я жену.

– Погодить, – тем же секретно-шпионским голосом ответила она и, обернувшись к охраннику, сказала ему уже нормальной человеческой речью. – Сверьтесь с бюро пропусков.

Не обращая внимания на бурчание охранника, мы поднялись по лестнице на второй этаж из трёх возможных, которые занимал этот «Инвест».

Стены длинного коридора по обе стороны были утыканы пластиковыми дверями без стёкол. На некоторых дверях не было ручек. Одним словом – стройфирма.

Глава 2

Олег Янков (<http://www.proza.ru/avtor/yarkoffoleg>)

Так бесцельно побродив по этому коридору, и поглазев рекламные планшеты, обещавшие понастроить в Симферополе и в Крыму всякого добротного и высокого, полюбовавшись на красочный стенд с перечнем грядущих и прошедших дней рождений сотрудников обоюбого пола, мы приняли решение спуститься на первый этаж и начать покрепче задерживаться в памяти у охранника. Но нам не повезло.

Без пяти девять, допустимый для посетителей холл от входной двери до турникета, был заполнен людьми. Мужчины среднего возраста и моложе, с папками под мышкой, топтались на месте и деловито посматривали на часы. Обособленно стояла группа девиц лёгкого одеяния и самых разнообразных стилей макияжа. Мы с женой решили, что первые – это просители и предлагатели, а вторые – соискатели на возможные места в этой фирме.

Самые ранние сотрудники фирмы скрипнули тормозами на стоянке в девять десять, порадовав нас «особой» пунктуальностью, а посетителей долгожданным прибытием.

Мы уселись на мягкий уголок, стоящий у нерабочего лифта и приняли смотреть на движение людей по обе стороны от охранника.

– Я не могу себе даже представить, что мне здесь делать. В чём должно состоять Самсоновское «не так»? Я подозреваю, каких спецов он направил на это дело....

– Не торопись. Мы только приехали и ещё ничего не видели. Может быть и хорошо, что не видели.

Так тянулось время, пока без пяти десять не пришла длинноногая, крашенная блондинка и не пригласила соискателей проследовать за ней. Наша семейная пара пристроилась в хвосте толкающейся группы девиц.

Какое-то помещение второго этажа было приспособлено под актальный зал, заполненный тремя столами и парой десятков разнокалиберных стульев, прикидывавшихся партером.

Интересная штука случилась около двери в этот зал для актов. На самой двери не было ручки, поворот которой сулил проникновение в желанный рай офисного

менеджмента. Наша вожатая, дождавшись, пока все подтянутся к ней, деловито попросила подождать её, пока они не сдефилирует за недостающим дверным аксессуаром, то есть – за ручкой. Впустила она нас через семь минут. Время я засёк.

Устроившись в последнем ряду и проигнорировав полу просьбу – полу требование пересесть поближе, мы всё-таки начали слушать рассказ руководителя корпоративного отдела. Глупее должности я бы не придумал.

Блондинка старательно вещала и показывала на какие-то диаграммы и что-то рисовала на большом листе обёрточной бумаги. При этом она не забывала продемонстрировать своё умение держаться на высоких каблуках.

Когда подача рекламы самой фирмы плавно перетекла в особенности командной работы, учитывающей психологические наработки Карла Юнга, я невольно заслушался. Другого подобного бреда, произносимого по памяти, я раньше не слышал. Она что-то говорила о чувстве локтя в команде, которое можно развить мнимым перебрасыванием мнимого мяча, который обязательно должен поймать член команды. Говорила о командной ответственности, о корпоративной этике и о растворении собственного «Я» в священном слове «коллектив».

– Если у вас нет вопросов, то подходите по очереди, и мы с вами заполним ваши анкеты.

– Почему же нет? Есть! – Это сказал я, начиная запоминаться.

– Хорошо, заполним анкеты, и я поговорю с вами отдельно.

– Не хочу отдельно, хочу сейчас и при всех.

– Тогда встаньте и представьтесь!

– Ещё чего? Вы не учитель, а я не ученик, поэтому буду сидеть. Представляться тоже не буду – вы ведь сами не представлялись. У нас царит равноправие. Теперь перейду к моим вопросам. Первый – о какой именно команде тут шла речь? О той, которая полным составом дружно перебрасываясь мячом, пришла

на работу с опозданием? Или у вас есть ещё одна команда, которая непосредственно работает на стройке и недополучает деньги из-за того, что содержит вашу балагурную команду? Вы тешите придуманный командный дух только в ожидании корпоративной пьянки, на которой мужская часть перепьётся и пойдёт блевать под соседние кусты, а другая часть, ваша и покрашенная, станет напиваться медленнее, чтобы успеть, перед нужным начальником, задрать юбку.

Жена толкнула меня в бок, призывая быть сдержаннее в применяемых оборотах. Я кивнул головой для её успокоения, но останавливаться, пока, не собирался.

– Если вы считаете, что врать самим себе дело благородное – считайте. Только не врите посторонним людям. Это им не нравится. Как, например, мне. Вы врётё о том, что пользовались какими-то работами Карла Юнга. Не подскажите мне, какими? Я так и думал. Хотя я и считаю, что Юнг дурко, однако основная концепция его разработок в области психоанализа и периферийной психомоторики заключается в том, что индивидуум, оказавшийся заложником ситуации, внутри которой он не может руководить этой самой ситуацией, и не может влиять на неё, испытывает стресс и дискомфорт, приводящий к длительным психическим расстройствам и проявлению скрытых доселе фобий. Не расшифруете мне, каким боком вы свою командность сочленили с концепцией психоанализа Юнга? Ответ – никаким, потому, что вы твёрдо усвоили, что приходящие на собеседование никогда не слышали о бедном Карле. А ведь на нём вы строите своё враньё. И последнее. В каждом кабинете в вашем офисе стоят компьютеры, завязанные на один сервер. В каждом кабинете стоит телефон, завязанный на собственную мини АТС. Тогда почему члены вашей команды не работают, а ходят по коридорам с какими-то папками? Скорее всего, пустыми. Командный дух, как грозный призрак старого шамана не позволяет пользоваться компьютером? Отнюдь. Вы просто не умеете потому, что не хотите уметь и ещё потому, что не для того вы придумали этот бред с командой и Юнгом, чтобы не работать. Вы просто копируете всё то, что делает сегодня премьерша на доверии в Киеве. А это значит, что будущего у вас нет, и что вас скоро расформируют вместе с командой и Юнгом, царство ему небесное. Пойдём?

Последним словом я обратился к жене, предлагая покинуть этот командный шабаш. Уже около дверей главная девица догнала меня вопросом

– Кто вы такой?

- Пора бы знать начальство в лицо. Я - Карл Юнг.

Мы снова оказались в коридоре, по которому деловито сновали, цокая высокими каблучками, разукрашенные девицы, прижимая к правильно оформленному бюсту файловые папки.

- Ты думаешь, что тот, из кафе, имел в виду именно такой способ запоминания?

- Не знаю, но, если бы я был ведущим подростковой телепрограммы, то сказал бы, что у меня такой стиль.

- А когда ты так детально изучил Юнга?

- Я его не учил. Я же сказал, что считаю его... хотя, какая разница?

- Что будем делать?

- Покрутимся здесь минут пять и поедем.

Но на третьей минуте нашего кручения меня кто-то требовательно взял за локоть.

- Зайди-ка сюда!

Это был высокий мужик в светлом костюме и с требовательным лицом, из-за которого выглядывала ведущая тренинговых курсов.

Я повернулся к жене и тихо сказал.

- Сработало! Я не надолго. Никуда не уходи и отсекай любые разговоры, хорошо?

Не отпуская мой локоть, хозяин светлого костюма почти втолкнул меня в кабинет.

- Кто ты такой? – Спросил он, обходя меня и принимая грозную стойку.

- Сейчас отвечу. Минутку.

Я открыл дверь и, выйдя в коридор, сделал вид, что читаю надпись на двери кабинета. При этом я успел подмигнуть жене.

- Извините, что мельтешу. Я думал, что совсем ошибся. Оказывается – нет. Это ваш кабинет?

- Кто ты такой?

- Если ваш, – сказал я, сделав голосовой акцент на слове «ваш», – то не скажу.

- Ты, ****ь, не понял, что я сказал?

- Понял я всё. И отвечаю. Почему старший экономист, типа вас, требует от посетителя его идентификации? Вы тут охранник на полставки?

- Сейчас ты ментам будешь рассказывать, кто и где на полставки, – грозно сказал светлокостюмный и потянулся к телефону.

- Сначала узнай, на кого повышаешь голос, экономист! Я в молодости тоже наорал на одного мужика, а то оказался Брежнев. Извиняться пришлось.

Не думаю, что экономист так сильно любил Брежнева, но звонить он никому не стал. Только внимательнее, чем при впихивании меня в кабинет, стал рассматривать.

- Свидание закончено. Я пошёл.

Тоскующий Валера крутил ручку настройки радио, развалившись на разложенном сидении.

- И что у нас плохого?

– Всё. В этом «Инцесте» негде выпить кофе, представляешь? Кстати, сколько сейчас часов после рассвета? Ого! Поехали, перекусим.

Мы нашли какое-то кафе, недалеко от кинотеатра. Оно нам понравилось, потому, что, во-первых, в нём не было явных признаков восточного колорита, а во-вторых, предлагаемые блюда были понятны даже по названиям.

Разговор, как и положено во время еды, имел бессистемный характер. Море, жара, одежда на прохожих и тому подобная болтовня плавно перешла на пересказ о минувшем собеседовании.

– Так я не въехал, твой Юнг в натуре дурко?

– Я не... понимаешь, были на свете два мужика, которые старались выгоднее продать свои идеи, касающиеся психоанализа. Победил некто Фрейд. Но ни один, ни другой не объясняют причин возникновения подобных расстройств. Они предлагают только своё видение проблемы. А раз в этой гонке преследования финишировал Фрейд, то вся психология и психиатрия подгоняют диагнозы пациентов под его выводы. Так проще лечить, тем более, что особой разницы нет – Фрейд или Юнг, Карл Маркс или Чарли Чаплин – болтовня о психоанализе заканчивается лечением седативными средствами и транквилизаторами.

– Если разницы нет, то чем будем заниматься сегодня и завтра?

– Сегодня ничем. Если хотите – пойдём, погуляем. Завтра я снова пойду в фирму в качестве раздражителя.

– Что ты собираешься там делать? Провоцировать драку? Может, хватит сегодняшнего визита?

– Мне приказано их подразнить. На втором этаже полно всяких стендов, помнишь? Вот их я поснимаю на мобильный и спокойно уйду. Пусть потом думают, что хотят. Я вообще планирую завтра старательно молчать. Так что из-за меня не переживай.

– Мне мало твоих обещаний. Я пойду с тобой.

– У тебя одноразовый пропуск.

Следующие два дня прошли спокойно и, даже, нудно. В тот же день мы бродили по городу, сверяясь с купленной картой. Куда-то ездили, а потом долго искали место, где припарковали нашу машину. На следующий я сумел безпроблемно посетить фирму, фотографируя всё, что попадалось на глаза, сохраняя при этом полное молчание. Обнаглев, я даже без стука вошёл к экономисту и заснял его за телефонным разговором. Судя по всему, его разговор был важным, поскольку этот гуманитарий только успел сказать: «Какого?...», и за мной не погнался. Если бы он знал, что я плохо бегаю, он настиг бы меня даже быстрым шагом. Но он этого не знал, поэтому я спокойно дошёл до охранника на первом этаже и, пожелав ему спокойной ночи, покинул здание фирмы. Был полдень.

Где-то около семи часов вечера в номер влетел Валера и спешно, как и в первый раз, велел собираться на встречу с моим знакомым.

– Давайте для себя его как-то окрестим? Для простоты общения.

– Как?

– Калиостро. – Это произнесла жена, заставив нас остановиться от удивления.

– А... почему Калиостро?

– Любое имя, которое я бы предложила, также породило бы вопрос «почему». Тогда какая разница? Калиостро – красиво. Я же не предлагаю назвать его Го Можо.

– А это ещё что такое?

– Китайский учёный времён СССР. Помню по этому поводу шутку – приехал в СССР Го Можо и его жена Го Можопина. Ладно, пусть будет Калиостро.

По телефонной навигации Калиостро сориентировал нашу машину почти на окраину Симферополя по дороге, утыканной стрелками, направленными на Балаклаву. Где-то на выезде из города мы нашли кафе, под названием «Дорога к морю», содержащее в себе приличную кухню и ожидавшего нас

Калиостро.

– Здравствуйте, присаживайтесь.

Ответом ему послужили три мобильных телефона, практически одновременно соприкоснувшиеся со столешницей.

– А сумку на спинку стула. Здравствуйте, – сказала жена, первой опустившаяся на плетённый стул.

– Осваиваетесь быстро. Я учту. Заказывайте себе ужин, тут можно есть всё. Теперь к делу. Наслышан о вашем собеседовании и о фотосессии. Подход интересный и, хоть я и не люблю похвал, результативный. Сделаю замечание – концепция Юнга выглядит иначе, чем ты её преподнёс.

– Знаю. Но та барышня этого не знала, правда? Значит, из нас двоих врущих я был более убедителен, за что мне полагается приз.

– Один раз соглашусь на приз – ужин за мой счёт. Но только сегодня. Какие мысли появились?

– Много разных, но ничего существенного.

– Высыпай все.

– Если по порядку, то будет так. Этот «Стройинцест» фирма липовая. Нет, строительство они, конечно, ведут, но не в тех объёмах, в каких в них вложен контрольный пакет акций с положительным сальдо. Это стало понятно по той небрежности, с какой ведётся подбор сотрудников. Зачем брать молоденьких дурочек, если не для отмазки? Ведь они не специалистки ни в чём. Согласен, почти ни в чём. Далее, планшеты с перспективными стройками, висящие в их коридоре, датированы 2008 годом. Значит, эти стройки завершены, как, например, здание на Керченской улице и подземный гараж на Тухачевского. Зачем им старые планшеты? Затем, что строительства нет. Они занимаются только ремонтами фасадов и простых бюджетных учреждений таких, как школы и детсады. Об этом я узнал от посетителей фирмы, когда вчера ожидал собеседования. Теперь вопрос – зачем Самсону вкладывать деньги в фирму

средней руки? Ответ – затем, что строительство для этой фирмы только прикрытие. Чем они занимаются на самом деле, знаете вы и тот, перед кем я буду отчитываться позже. Снова далее. Если у фирмы есть второе дно, должно быть и два начальника. Один по стройке, второй – по нужным делам. Между ними возможен конфликт из-за денег, которые проходят через этот «Инцест». Возможно, я ошибаюсь....

– Не так, как с Юнгом.

– Спасибо. Баранник мог сбежать, забрав с собой пять миллионов, но, согласитесь, это маленькая сумма для ссоры с людьми, способными найти тебя в любом краю планеты. Если интересно, то мой вывод таков – либо он взял намного большую сумму и сбежал, тогда это логично и понятно, либо с пятью миллионами его прибили, положив конец внутренним конфликтам, и сделав его козлом отпущения.

– Пока без комментариев. Дальше.

– Это, пока, всё. Есть, правда, одно подозрение, но оно ещё не сформулировалось, поэтому, с вашего позволения, я его отложу до следующей встречи. А вот причина появления подозрения позволяет мне просить у вас ещё одну машину. На всякий случай. Такую, знаете, на ходу и не приметную, как наша «Вольво».

– Значит, до следующего раза ничего мне не скажешь?

– Я дилетант в области сыска, поэтому мне надо оформить свои подозрения и обдумать, что и как вам говорить.

– Но про Юнга ты говорил без оформления своих мыслей.

– Юнг покойник, с ним проще.

– Скорее всего, Баранник тоже. Ладно. Созвонись с Самсоном и расскажи всё ему. Передашь заодно, что машину я вам дам завтра. Приятного аппетита! Насчёт ужина – как договорились. Я позвоню. До свидания.

В ответ три мобилки оторвались от столешницы и слевитировали в наши карманы. Сумка осталась на спинке.

– До свидания.

Глава 3

Олег Янков (<http://www.proza.ru/avtor/yarkoffoleg>)

Общение с Калиостро отложило отпечаток на моё мироощущение, поэтому я попросил жестом за столом не разговаривать. В машине тоже соблюдать молчание.

Выйдя из кафе, мы нашли скамейку, спрятавшуюся между деревьями, и оккупировали её.

Первым делом я позвонил Самсону. Он одобрительно выслушал меня и попросил не делать больших перерывов между докладами ему. Мы попрощались.

– Что у тебя за подозрения? – Спросил Валера, с трудом изображая терпеливость.

– Херовые.

– Мне всё время надо просить тебя продолжать и подстёгивать наводящими вопросами? Хорошо, согласен. Задаю наводящий вопрос – а почему херовые?

– Валера, давай без обид, ладно? Ты, видимо, как и Калиостро, решил, что я приехал, увидел и определил? Хрен в нос! Я такой же, как и все! У меня нет талантов и особых возможностей, я просто всё собираю в кучу и делаю выводы. Не более того. Но у меня случаются предчувствия, а не уверенность. Это рулетка – может случиться, а может и нет. Я, внутри себя, понимаю, что Баранник уже труп и, кстати, хорошо спрятанный, но ни доказать, ни опровергнуть это не могу. Эта фишка Самсона, с понравившимся вопросом, только приманка. В данном случае он действует по принципу – а вдруг? Так,

понимаешь, я ещё, блин, подыгрываю ему! Какое там, на хрен, «не так»? Я с завязанными глазами должен что-то понять и определить, что не так, не касаясь самого дела об убийстве.

- Так Баранника точно успокоили?

- Навсегда. И это мне не нравится. И наши походы в фирму, и эти поездки через весь город в явочные кафе – всё это игра. Мы – наживка, на которую кто-то должен отреагировать. Если я прав, а я прав, то мы на примелькавшейся машине легко попадём в аварию. В хорошую, профессиональную аварию. Для этого нам нужна вторая машина. Кроме этого, Валера, у тебя в Симферополе концы есть?

- Ствол?

- Да. Тебе и мне.

- У меня есть. Завтра сделаю для тебя. Что ещё?

- Не знаю. Попробую подумать, но не знаю, о чём. Давайте выпьем, а? Завтра у нас свободный день....

- Я завожу машину и разворачиваюсь, – почти кричал Валера, бегом направляясь к машине, – а вы тоже поторапливайтесь! Расселись, понимаешь! Вам бы только поговорить... нет, чтобы делом, каким, полезным позаниматься! Карета подана!

Как он смог так быстро подогнать машину? Не знаю, но способности его не все открылись мне.

Прошло три дня. Встречи с Калиостро, звонки Самсону и пустые разговоры только укрепили меня в мысли, что мы сидим в Симферополе зря. Эта мысль, высказанная Самсону в телефонном разговоре, похоже, его расстроила. То ли осознания того, что в его среде нашёлся кто-то хитрее и коварнее его самого, то ли потому, что я не оправдал его ожиданий. Но я и, правда, не мог ему ничем помочь. У меня нет никаких задатков, чтобы стать гением заочного сыска. Всё, что у меня получалось раньше, было основано на подсказках Антона-Андрея и мальчишки-велосипедиста. А теперь кто или что заинтересован в благополучном исходе Симферопольского дела? Из моих подсказчиков никто.

А без них я обычный прохожий со средними способностями. Ну, а если себе немного польстить, то могу сказать, что я довольно приличный исполнитель, уровня чуть выше среднего. И всё. Одним словом я расстроил Самсона и Калиостро своими признаниями и получил от обоих «добро» на возвращение, как выразился Валера, «в степь Донецкую».

Выезд перенесли на утро следующего дня. Укомплектованные проездными билетами и планами на обозримое будущее, мы решили устроить маленькое застолье в нашем номере.

Разговор, вертевшийся около Симферополя, как города и Симферополя, как эпицентра неприятных событий, постоянно наталкивался на острые углы какой-то собственной вины, появившейся у нас троих одновременно. Было, конечно, погано на душе из-за поражения, которое охладило отношения с Самсоном. Были, конечно, и оправдания, которые никого не успокаивали и не поднимали настроения. Одним словом, было хреново.

Когда первая бутылка незаметно опустела и Валера вызвался доставить её близняшку, жена, почувствовав, что продолжение нашего застолья не предусматривает скорого финала, сказала мне и, одновременно, ни кому конкретно.

– Поговорить бы с Барановым....

– Его фамилия Баранник.

– Ладно, пусть будет Баранник. Всё равно, поговорить бы с ним.

– Хорошо бы, только как?

Я закурил и подошёл к окну. Столичный город замедлял суету, набравшую скорость с самого рассвета. Теперь, когда солнечный свет не заставлял надевать очки, уличное движение становилось спокойным и, по вечернему, отдыхающим. Что ещё сейчас делал город? Зализывал дневные раны и готовился пережить очередной ночной стресс. И почему я думаю о городе в таких поэтических тонах? Что-то подтолкнуло меня на эти размышления... что-то сказанное женой. А что он сказала? «Поговорить бы с ним».... И что из этого? Найти в газете объявление об услугах медиума и потрындеть с духом усопшего

Баранника? А при чём тут город со светом и дневными скоростями? Притом, что я хочу любыми путями реабилитироваться перед Самсоном и Калиостро? Да, хочу, но.... Что «но»? Спиритический способ выглядит глупо, и докладывать о нём боссам стыдно. Конечно, стыдно. Кто в здравом уме будет доверять рассказу медиума из газеты? Калиостро со своим ГБшным прошлым или Самсон? Нет, причём тут город? По пьяни вырвалось? Утро-разгон, вечер – замедление.... Нет, ничего не идет в голову полезного. Надо оставить всё, как есть и принять поражение, обидно, что не смог ничего сделать, я ведь начинал считать себя способным. Ошибка вкралась в собственный расчет. Этот мой проигрыш закономерен, потому, что ничего случайного не происходит. Самомнение порождает проигрыш – это я красиво сказал. Сказать-то сказал, а если случайностей не бывает, то причём тут город и, почти предложение жены о вопросе к Бараннику, а? Тихо-тихо-тихо.... Кто это меня зовёт? А, это вернулся Валера. Да, сейчас иду! Что я упустил? Город – Баранник? Какая связь? Он местный? Если да, то что? Город – Баранник... город.... Не верю, но пробовать будем!

– Так, и что у нас на столе новенького?

– А ты догадайся!

– Ух, какой ты загадочный! Город – Баранник, твою мать! За это и выпьем!

– Чего-чего?

– Ничего. Сдаём билеты и остаёмся. Наливай!

Утром нам удалось встретиться с Калиостро. То, что мы перед тем, как поздороваться, освободились от телефонов и сумочки, его не впечатлило. Он, молча, смотрел в свою чашку.

– Здравствуйте, присаживайтесь! Присели. У нас есть разговор.

– Если ты здороваешься вместо меня, то, может, и пообщаешься сам с собой?

– Рад бы, да не могу. Курируете здесь вы и разрешаете здесь тоже вы. Выслушаете меня?

Калиостро поднял на меня глаза и пристально посмотрел. Потом перевёл взгляд на Валеру. Жена осталась без зрительного внимания потому, что с деланным равнодушием повернула голову к окну, лишив Калиостро возможности глядеть ей в глаза.

– Сколько?

– Если я правильно понял вопрос, в чём не сомневаюсь, то две.

– Для бредовых идей хватает. У тебя пять минут.

– Если бред рождается только в моей голове, то почему вы, со своими светлыми головами не закончили дело? Видимо, вы правы, мне надо говорить с самим собой. Приношу извинения за то, что не оправдал ваших надежд и за то, что оторвал вас от дел. Прощайте.

Жена и Валера уставились на меня, как на прокажённого. Я встал со стула, сгрёб телефоны и помог жене подняться.

– Валера, оставь ключи от машины. Мы найдём, на чём передвигаться. Пошли, есть дело.

В полном молчании мы вышли на улицу. Настроение было похоронное, идти куда не хотелось, говорить тоже. Вот чего хотелось, так это послать всех и уехать домой, не смотря на сданные билеты. Нет, посмотрите на него! «Пообщайся сам с собой!» «Хватает для бредовых идей!» А чего тебе не хватает, раз не нашёл ни трупа, ни живого Барнника, ни денег, ни убийцу, если считать Баранника «успокоенным» по выражению Валеры. Герой, блин!

– Ты чего отвязался?

– Ничего! Зло берёт! Он умный и ни хрена не добился со своими помощниками, а я только и могу, что бредить. Вот пусть сам и ищет. Я не в его подчинении и не состою в вашей структуре, поэтому мне похер это убийство и ещё два, которые не за горами. Сейчас отзвонюсь Самсону и поеду за билетами. Всё, хорош!

– Стоять, Казбек! Откуда ты взял ещё два убийства? Колись!

– Откуда-откуда... не знаю! Само вырвалось! Ты вот говоришь «с добрым утром», а откуда ты взял, что оно доброе?

– Лады, я понял. Ты что-то придумал, а Калиостро не оценил. Это я усвоил. Значит так, гуляйте тут пару минут, я мигом!

Валера бодрым шагом двинулся вперёд по улице. Пройдя... не знаю, сколько шагов, не считал, он похлопал себя по карманам, остановился, подумал и, резко развернувшись на месте, двинулся к нам.

– Слышь, трубу отдай! – Не дойдя до меня пару метров, приказал Валера.

Отдав ему телефон, мы с женой увидели повтор предыдущего манёвра, выполненного на этот раз полностью.

Мы прошлись без цели по улице почти до её конца. Настроение не улучшалось, говорить не хотелось, и не отпускала мысль об отъезде.

– Ну, что, поехали за билетами?

– Да, тут нам делать больше нечего. Город посмотрели, в фирме ты запомнился, а я в неё не устроилась на работу. Тормози машину.

Но вместо такси около нас завизжал тормозами тёмно-зелёный джип, из окна которого высунулся счастливый Валера и пригласил нас посетить салон машины со стороны задних сидений. Мы послушно влезли.

За рулём сидел... сидело.... Я не знаю, как назвать такого человека, у которого было столько громадных мышц, что даже на затылке был виден их атлетический рельеф, пронизанный толстыми синими венами.

– Так. Пацаны и дамы – это Влад. Влад – это пацаны и дамы. Едем к Владу в гости, там поговорим. Вперёд!

В громадных ручищах громадного Влада рулевое колесо напоминало ноготь большого пальца на лапе у Кинг Конга. Этим «ногтем» вышеупомянутый Влад крутил из стороны в сторону так, что создавалось впечатление охоты джипа и его владельца на всё, что находилось на этой дороге. Скорость движения соответствовала скорости вращения этого «ногтя». Доехали мы целыми, а Влад, к сожалению, остался без добычи.

«В гости» означало название маленького ресторана, спрятанного в подвале старого дома.

Ресторан, не смотря на его громадного хозяина, был не очень большой, но уютный и прохладный. Десять столиков, компактно ожидающих посетителей, были расставлены вдоль стен, оставляя проход для официантов. Над каждым столом свисала с потолка люстра с тканевым абажуром, по цвету соответствовавшим цвету скатерти. Таким образом, легче было запоминать официантам полученные заказы – за синий стол креветки, а за оранжевый – пирожки с горохом.

Пальцем, походившим на бейсбольную битку, Влад указал в самый угол зала и сказал.

– Зелёный-на!

Откуда у нас появилась покорность, не представляю. Практически шагая в ногу, мы пересекли зал и остановились около столика.

Провожая нас взглядом, Влад вытянул вперёд руку и резко опустил ладонь вниз, что на его языке жестов, и на языке жестов кинологов, означало «сидеть!»

Глядя на его громадную, по географическим меркам, ладонь, я представил себе, что, если бы эту ладонь он так же резко опустил над одним из кантонов Швейцарии, то там бы упало атмосферное давление, и пошёл дождь.

– Вера! Швартуйся к зелёному!

Быстрее ветра в зале материализовалась официантка, на переднике которого был узор, состоящий из цветных линий, по колеру совпадающих с расцветкой

столов и абжуров.

- Это ты-на Султана в Чехии раскатал?

Я немного виновато покивал головой, даже не подозревая, чем это может для меня закончиться.

- Уважаю-на! Сюда - коньяк, лимон, мороженое. Тебе чего полегче? - Последнюю фразу Влад адресовал моей жене.

- Нет, спасибо, - не слишком уверенно произнесла она, тем самым согласившись с безвыходностью нашего положения.

- Молодец-на! Валера, на выход!

- Иду, - улыбаясь понятливой гримасой, сказал Валера и присел на соседний стул.

- Теперь так. Сидите, ждите нас. Сколько есть денег?

Я достал портмоне и отдал его Валере.

- Оставь мне немного... чтобы рассчитаться.

- Когда я вернусь-на, чтобы были отдохнувшие! А то я с вами рассчитываться начну. Валера-на, шевелись!

- Он нас быстро убьёт? - Спросила жена у официантки Веры.

- Он всё делает быстро, - улыбаясь, ответила она и протянула нам меню. - У вас постоянное бесплатное обслуживание. Это распоряжение Владислава Кирилловича. Когда выберете - позовите меня. Я буду рядом.

Валера с большим Кирилловичем появились через час.

- Отдохнули? Тогда полетели. Влад, спасибо! Мы на связи!

- Давай-на, живи дольше! И вы с ним!

У выхода их ресторации нас ожидала серая корейская машина.

- Наша?

- Ага. Значит так. Я звонил Самсону и оторвался на Калиостро.

- Валера, ты не обидишься, если я тебе не поверю?

- Ладно, Самсон сам мне позвонил и вжарил меня из-за базара с Калом.

- С кем?

- Кал - это сокращённо от Калиостро. А что?

- Ничего. Что ещё сказал?

- Важного не много. Сам понимаешь, что ворон ворону друг, товарищ и птица. А короче - передаю точные слова Самсона. У Кала, мол, свой метод и он вправе с тобой не соглашаться и тебе не верить. Но по вашему с Самсоном договору нет расхода, поэтому, если ты имеешь чуйку - рой сам. Тебе в помощь я с женой... твоей, естественно и, пока, всё. Влад будет помогать по ходу скандала. Деньги от Самсона мне передадут завтра. Будет нужда в людях - свисти. Докладывать Самсону ежедневно. И, типа, с Богом.

- Спасибо. Живём в той же гостинице?

- Нет. Влад выделил свою хату.

- Свою?

- Ну, у него тут дом есть на три этажа. Хрущёба. Выкупил и после ремонта сдаёт квартиры приезжим. Одну выдал нам. Тачка тоже его.

– А откуда у тебя дружба с Владом?

– Я не помню, говорил я тебе, или нет? Когда умер Лесник, я звонил на его родину, чтобы утрясти похороны, вот, и нарвался на одного хама, который, по борзоте, меня чуть не послал. А когда узнал, что весь базар был из-за Лесника, то почти всю траурную работу сам организовал. И извинения принёс, как мужик.

– Я помню эту историю. Так то был Влад?

– Ага. Потом, правда, речка поменяла пару раз русло, и Влад подружился с Самсоном. Ещё вопросы?

– Всё понятно. Куда едем?

– В нашу квартиру.

Глава 4

Олег Янков (<http://www.proza.ru/avtor/yarkoffoleg>)

МАЛЕЧКИНО. ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

– Ну, Виктор Лукич, ну, миленький! Ну, помогите же нам!

– Нет! Я не хочу об этом даже говорить!

– Ну, как же «не хочу»? Что же, мне теперь с дочерью пропадать? Ведь прильёт он нас! Не сегодня – завтра, но прильёт. Нам, ведь теперь, что в петлю, что домой! Виктор Лукич, сделайте в последний раз, пожалуйста!

– Вы сами понимаете, о чём просите? Не можете мужика укротить в две женские силы? Нет, даже не просите!

– Так кто же знал, что этот охламон таким станет? Мы же думали....

– Думали? Когда именно? В первый раз думали, когда пришли просить, чтобы зятя вашего покорчило, и он перестал пить? Или тогда, когда вот тут обе ревели и умоляли снова поставить его на ноги? Теперь вы приходите в третий раз и вам снова не так! Он получил выздоровление и перестал пить. Что же, вам, неймётся, а?

– Так, ведь, Виктор Лукич, пить-то он бросил, так гонять нас стал уже двоих! Пусть он снова в паралич впадёт, или пить станет. Когда пил, хоть реже буянил. Теперь-то, Виктор Лукич, он постоянно трезвый и спуску нам не даёт ни днём, ни... никогда не даёт. Чуть что не по его, так мы с Валькой летим в подпол. Ведь зашибёт он кого-то из нас, Виктор Лукич, миленький!

– Вы, женщины, не понимаете, о чём и где просите! Сидите перед иконами, ещё, вон, и астральный портал открыт, куда....

– Да ляд с ним, с вашим порталом! Валька, хватит реветь! Ступай-ка, на дворе походи малость! Давай-давай!

Валентина сложила цветастый носовой платок, втиснула его под ремешок для часов и, печально поглядев на мать, поднялась со стула.

– Так я, пожалуй, пойду? – С притворной кротостью в голосе проворковала она и, сбив при развороте стул своим могучим бедром, направилась к выходу.

Пожилая женщина, дождавшись ухода дочери, заговорила снова.

– Совсем девка извелась! И за что она любит этого охلامона? Виктор Лукич, помогай, а? Я всё понимаю, иконы, там, порталы всякие – это для таких дурочек, как моя Валька. Я поэтому и выйти ей велела, что на язык она слаба, разметёт по ветру – потом не соберёшь. Виктор Лукич, голуба моя, давай договариваться! Я ведь знаю, что Прокопенчиха своего ирода с твоей помощью похоронила. Я это знаю и полностью тебя понимаю! Редкой гадостности был её мужик. Ольге Воронцовой ты тоже помог мужа образумить. И помог ведь безо всяких астралов... или как они у тебя зовутся? Сделай, голуба, сделай двум слабым женщинам облегчение. И, по правде говоря, мне всё едино, что ты сделаешь. Хоть вдовой Вальку делай, но только делай. Я денег дам, сколько скажешь.

– Я даже и не знаю, что ответить. Могут наступить непоправимые последствия для моей кармы.

– Лукич, сколько?

– Мне, даже, сложно....

– Сколько?

– Пятьсот долларов. Сейчас.

– У меня с собой столько нет.

– Тогда... вы понимаете, мне необходимо купить кое-что для проведения ритуала, очистить дом, да и самому....

– Считай, сколько здесь? – Женщина вытащила из лифчика тряпицу и, немного повозившись с узелком, достала денежные купюры разного достоинства, которые согревались жаром её материнского сердца.

Виктор Лукич пересчитал наличность, жестом профессионального картёжника сложил их в стопку и, помолчав несколько секунд, сказал.

– Ещё столько же.

– К пяти часам принесу. Только, Лукич, сам понимаешь, наверняка, чтобы было.

Женщина поднялась не по годам проворно и подошла к двери. Взялась за ручку и, как будто что-то припомнив, повернулась породистым телом к экстрасенсу. Она подняла руку ко лбу, приготовившись осенить себя крестным знаменем, но увидев строгий взгляд Виктора Лукича, быстро передумала.

– А, ну да, ну да... до вечера, – скороговоркой произнесла она и вышла вон из комнаты.

Панно с иконостасом, находившееся позади стола, за которым сидел Виктор Лукич, отодвинулось, и в комнату вошла женщина лет тридцати пяти в лёгком сарафане с тонкими бретельками. Модная, в их населённом пункте коричневатогрязная краска с разводами, в эти мгновения изменявшая цвет её волос с однотонного на курино-рябой, местами покрывала лоб и щёки, заметно видоизменяя линию, по которой волосы граничат с просто кожей. На волосистой покров головы был надет пластиковый пакет с броской надписью – «СЕЛЬПО – Магазин для ВАС».

– Покрасилась? Опять?

– И что? Не нравится?

– Пакет? Не нравится.

– Какой пакет? Мой цвет тебе нравится?

– Его через пакет не видно.

– Тебе не угодишь. Чего Марьины приходили? Опять из-за своего Кольки?

– Из-за Кольки.

– И что на этот раз?

– Хотят, чтобы я его образумил. Он перестал пить и начал с удвоенной силой гонять жену и тещу.

– Так образумь.

– Как?

– Это ты тут экстрасенс, ты и придумай.

– Легко сказать! Когда Колька лихо запил, эти две дуры пришли его отлечить до любого состояния. Валька, жена евоная, говорит, что пусть, мол, паралич его,

заразу, стукнет. Я им что-то дал и чего-то наговорил в надежде, что они будут ко мне ходить для его астрального лечения. А этот балбес, Колька, на третий день и сковырнулся! То ли сам допился, то ли ему действительно дали ту гадость, что я всучил – не пойму. Да и не спрашивать же об этом, сама понимаешь. Колька пролежал пластом почти два месяца. Ходил под себя, ел через раз, только, говорят, глазами зло зыркал. Приходят эти две клуши снова, и опять за своё – мол, помоги, Лукич, поставь на ноги, нет сил с параличным возиться. Я им цену залупил такую, что можно было бы генсека вылечить! Так они принесли деньги, представь? Я опять им что-то дал....

– Что именно дал?

– Без понятия. На что в столе рука натолкнулась, то и дал. И, понимаешь, какая невезуха мне с этими Марьиными – я же прикидываю, что они ко мне раз пять ходить будут, и платить станут за каждый сеанс, а этот урод, Колька ихний, на следующий же день своими ногами пошёл, скотина такая! Так, мало того, он, гнус болотный, пить перестал, понимаешь? То есть, от него, для меня, нет никакой лечебной перспективы!

– Так он бросил пить и стал своих баб гонять?

– Узнал, наверное, что они через зелье его спарализовали, только не знает, пока, у кого они прикупили это зелье. Одним словом, Колька своих баб с трезвой головой тиранит. Вот они и припёрлись, чтобы я его обратно уложил. И, если можно, то поглубже.

– Ну, и дай ему, что-нибудь для глубины.

– Что дать? Если бы я хоть что-то понимал в том, что ему давал и что с ним от этого происходило. Да-ай.... Я ему дам, а он, вдруг, возьмёт, да и поумнеет, ещё и меня прибьёт, вместо своих толстожопых кур. Да-ай! Тебе бы только «дай»!

– Тогда не давай.

– Ты от своей краски совсем поглупела? Я ведь делаю что-то, только ради того, чтобы они приходили, понимаешь? При-хо-ди-ли! А не для того, чтобы с первого раза получалось! Даже для меня не понятно, как получалось. И аванс я уже взял.

– Короче, не морочь мне голову! Как я покрасилась?

– Через пакет не видно. Хочешь, так в пакете и ходи. Сельпо, твою мать! Ты понимаешь, что я даже примерно не могу сказать, что случится с Колькой, когда я дам им очередное зелье? А вдруг он просто облысеет? Тогда....

– Тогда он пристукнет своих баб. Всё, я пошла смывать.

Виктор Лукич задумался. Из необходимого душевного равновесия его выводило откровенное несоответствие между предложенным «лечением» и полученным результатом. Шибко интересующихся посетителей, он туманно успокаивал набором специфических слов вроде «аура», «портал», «энергетика», «астрал» и последним словосочетанием, придуманным совсем недавно – «несконцентрированный пентакль в перевёрнутом доме Сатурна». Но то, что происходило с Марьяновым Колькой, не входило в голову в качестве понятной вещи. Почему с ним происходит именно то, что заказывают его бабы? И происходит, практически, сразу. Ведь никакого лечения или заговора не было, и быть не могло! Откуда бывшему пьянице-трактористу, сошедшемуся с женщиной из соседнего посёлка в Вологодской области, иметь способности к подобному лечению? Способностей нет однозначно, но Колька Марьянов, чтоб ему пусто было, с ним-то что? Сначала паралич, потом этот идиот вылечивается, теперь и пить бросил. Господи, мысленно обратился Лукич к, сами знаете кому, за что мне всё это, а? Я ведь только денег хотел подзаработать!

Внимание, от начавшейся беседы со Всевышним, переключилось на правую руку. Вроде бы ничего не происходило странного, но было что-то не так. Виктор Лукич с силой обхватил ладонью левой руки правую, и провёл вниз, как будто выдавливал тюбик. Ни боли, ни жжения не было, а было... как будто рука полая и внутри неё, булькая, плавно перетекает жидкость, перемещаясь от ключицы до кончиков пальцев. Такого раньше не было и это ощущение немного настораживало. Но вскоре бульканье и перетекание прекратилось, чему Лукич был, даже, рад. Но теперь от размышлений его отвлекало что-то иное. Теперь его отвлекал стук. Не громкий, ритмически правильный и физически ощущаемый стук. «Экстрасенс» поглядел на ладонь правой руки и, вдруг, позабыл, что надо моргать. Правая ладонь жила собственной жизнью, она стучала по ноге, делала это по собственному желанию и без согласования с хозяином. Виктор Лукич снова пустил в ход левую ладонь, но если и удалось остановить постукивание, то чувствительности в ладони не было. Тут же в его голове прозвучал

мысленный приказ – начать эксперимент! Правая ладонь, отпущенная левой на свободу, тут же принялась стучать по ноге. Повторный захват левой – нет чувствительности и ритмики, отпуск – снова стучит. Да что это за.... Полностью переключившись на ощущения своего тела, Виктор Лукич передумал договаривать ругательную фразу. В теле начало происходить что-то такое, что заставило его замереть и только фиксировать изменения, помогая себе движениями вытаращенных глаз.

Бульканье и течка возобновились, плавно перетекая, вопреки закону физики, от ладони к локтю, от локтя – к ключице, от ключицы, минуя ухо, прямо в лоб, остановившись в точке между бровями.

Лукич подтащил глаза под лоб насколько позволяли глазные мышцы, и попробовал рассмотреть чей-то палец, уткнувшийся в межбровную точку, но никакого пальца не было, хотя ощущение было именно таковым.

Давящее чувство в точке перешло в пульсирующее и, как будто жаром, случающимся, когда тебя старательно обсуждают, поднялось по щекам вверх, охватив голову, словно кольцом.

Виктор Лукич задержал дыхание и со страхом приготовился к самому худшему.

– П – ц! – Всё так же, с задержкой дыхания, прохрипел Лукич. – Долечился!

Но, странное дело, картинки его прошедшей сорокадвухлетней жизни, не начинали мелькать перед его перепуганным взором, как это было обещано всем умирающим. Ничего не мелькало, ничего не происходило. Голову, по-прежнему, сдавливал невидимый обруч, а правая ладонь выстукивала «диско».

Лукич про себя решил, что, видимо, можно уже начать успокаиваться, однако то, что случилось дальше, его здорово испугало. Причём настолько, что он немного письнул в трусы.

В его голове зазвучал голос. Настолько ясно и отчётливо, что... ничего. Не было у Виктора Лукича ничего подобного в жизни, с чем можно было бы сравнить этот звук. Музыка через наушники? И рядом не стояло. Он не слышал этот голос ушами, он его слышал всем мозгом.

– Здравствуйте... я... хочу... просить... вас... мне... помочь... меня... зовут... Игорь... Баранник... вы... поговорите... со... мной.

Монотонный и без интонационный голос ровно звучал в голове. Первое желание было оглянуться. Когда это желание осуществилось, и слышимая комнатная тишина была подтверждена визуально, появилось второе желание, не менее глупое.

– Кто здесь? – Спросил Лукич и повторно оглядел комнату.

– Я... приходил... к... другим... медиумам... но... пока... никто... не... смог... меня... услышать... вас... мне... подсказали... поговорите... со... мной.

– Ё.. твою мать! Я что, рехнулся? Откуда ты говоришь?

– Я... представляюсь... я... Игорь... Баранник... вы... поговорите... со... мной... можете... не... произносить... слова... только... думайте... я... понимаю... что... это... неожиданно... вы... поговорите... со... мной... Меня... убили... в... Симферополе... двадцать... дней... назад... я... прошу... вашей... помощи... вы... поговорите... со... мной.

– Я должен вести расследование, что ли?

– Я... хочу... через... вас... отомстить... моим... убийцам... в... благодарность... я... отведу... вас... к... месту... где... спрятаны... деньги... вы... их... сможете... забрать... после... того... как... поможете... мне... отплатить... моим... убийцам... и... покажете... где... лежит... моё... тело... вы... мне... поможете... я... понимаю... и... помню... земную... жизнь... вам... необходимо... время... для... размышлений... если... вы... не... против... я... скоро... с... вами... снова... буду... говорить... вы... поможете... мне.

– Я... мне надо... ну, п-ц! Это... простите, неожиданно. Мне надо подумать, а как....

– Я... скоро... снова... свяжусь... с... вами... говорить... вам... не... надо... можете... только... думать... я... всё... понимаю... понимаю... и... то... что... вам... надо... обдумать... свой... ответ... буду... рад... если... вы... сможете... и... захотите...

мне... помочь....

– А что... эй, ты куда? – В ответ плавно отступила сдавливающая боль, бульканье снова опустилось в кисть правой руки и пропало. Навалилась немного звенящая тишина.

Глава 5

Олег Янков (<http://www.proza.ru/avtor/yarkoffoleg>)

СИМФЕРОПОЛЬ.

Сегодня двадцатый день с момента пропажи Баранника и десятый день нашего мало результативного сидения в Симферопольской квартире Влада. Такая случилась круглая дата и, почти, юбилей.

Мы не продвинулись ни на шаг в деле поиска разгадки исчезновения этого коллеги Самсона. Если говорись совсем откровенно, особенного рвения в наших действиях и не наблюдалось. Валера, изредка пересекавшийся с Калом, приносил нам такие же результативные сводки об их поисках. Всё замерло в ожидании следующего шага тех, кто уже получил к своему имени приставку «разыскиваемый» и тех, кто, по моему мнению, должен был объявиться в радиусе внимания к этому делу и, соответственно, получить такую же приставку в своё пользование до полной поимки. Если она, в теории, возможна.

В наших общих разговорах Валера всё чаще переходил на скучно-отстранённые темы, что, лично для меня, красноречиво говорило о начавшемся недоверии то ли в благополучное расследование, то ли в мою способность в чём-то разбираться вообще. Но сегодня вечером я решился на разговор, чтобы расшевелить Валеру.

- Это... что я хотел сказать? Сегодня уже сколько? Уже двадцатый день от начала пропажи Баранника. Я же вижу, что ты себя как-то ведёшь....

- Ты, конкретно, о чём?

- О том, что тебе не нравится наше безделье. Точнее, моё.

- Ты, типа, оправдываешься?

- Типа, конечно! У нас нет ничего, на что можно было бы опереться. Мы знаем, что произошло, так? Возьми, хоть, Михыча или Султана. Мы много знаем и пробуем сложить в кучу этот конструктор. И что на выхлопе? Правильное решение и гордость за себя. А что у нас есть сегодня? Фамилия - Баранник, образование в Минске и дочь в Англии. У нас есть география.

- А что тебе ещё надо?

- Только давай без психов, ладно? Можно подумать, что я сам в восторге от сидения в этой квартире.

- Говори, что надо.

- Без подготовки? Ладно, сейчас придумаю. Так, нужна фотка Баранника, его описание, где живёт и тому подобное. Если получится, то, тоже, с фотками. Мне интересно, где его машина, на чём он попробовал пропасть - автобус, самолёт, метла.... Давай начнём с этих мелочей, ладно?

– А чего раньше не просил?

– Не знаю. Раньше, подожди, сейчас придумаю отговорку.... Есть! Раньше я думал, что события вокруг Баранника закрутятся быстрее, а вышло, сам видишь, как. И потом, Самсон не давал «добро» на собственные действия. Отмазался?

– Тогда я поехал искать твой заказ. А ты сам-то веришь, что оно, ну, ты понял, вообще закрутится?

– Ещё неделю назад я был настолько уверен, что поспорил бы с кем угодно и на что угодно. Сегодня я только надеюсь.

– Ты бы хоть поделился своими надеждами.

– Привези мне, хоть, что-нибудь из моего заказа, потом буду делиться.

– Добро, я рванул!

С заметной ленью Валера поднялся с кресла и вышел из квартиры. Не походило это движение на рывок. С другой стороны, хорошо, что хоть так.

Жену я нашёл на кухне. Она сидела и пила чай. И только глазами следила за моими передвижениями на кухонных шести квадратных метрах.

– Чего мечешься?

– Тоскливо мне.

– Веселья хочешь?

– Мне ничего не хочется! Мне тоскливо от того, что скоро Валера привезёт стопку макулатуры, которую я заказал. А что мне это даст? Ну, почитаю то, что он притащит, а дальше что? Скорчить умный вид и туманно сказать, что мне есть теперь о чём подумать? Только думать не о чем! У меня нет способа найти Баранника ни живым, ни мёртвым! У меня нет вариантов найти деньги! У меня есть уверенность, что у меня ни в чём не уверенности.

– Какую часть твоего монолога я должна обсудить с тобой? Если ты мне не подсказешь, то я выберу первую фразу – «мне ничего не хочется». А что, интересно мне знать, тебе должно хотеться? Ты тут, в Симферополе, как наблюдающий советник, а не как сыщик. Ничего не получается? Тогда брось всё, и поедem домой. И бросить не можешь? Тогда сиди и жди, пока всё, что надо, не созреет. Такое убийство, если это убийство, в тишине не прячется, понимаешь меня? Зима в июле не наступит, даже если этого сильно захотеть.

– Ты забыла добавить, что так голосит народная мудрость.

– Я ничего не забыла. Я помню Чехию, когда ты пошёл курить второй раз подряд, и в результате побил Лёху. А вот вспомни, почему ты пошёл на улицу?

– Захотелось.

– Вот! Тебе захотелось выйти именно тогда, когда этого требовала созревшая ситуация. А что тебе хочется сейчас?

– Вспомни первое предложение моего монолога.

– Это ты сам вспоминай. Всё случится не тогда, когда ты этого не ждёшь, а когда начнёшь чего-то хотеть. Чаю налить?

– Напоминаю первое предложение.

– Тогда сиди и жди Валеру. Не хочется ему....

МАЛЕЧКИНО. ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Дверь снова отворилась и выплеснула через проём крашеное существо женского обличья.

– Ну, как?

Виктор Лукич не проявлял признаков жизни. В том смысле, в каком он её проявлял во все остальные дни, предшествовавшие сегодняшнему. Он просто сидел в своём, акционнно приобретённом кресле модели «Каролла», и молчал. Если бы глаза могли говорить способом моргания, то Лукич молчал, даже глазами. Дышал он тоже, как-то молчаливо.

– Алё! Нострадамус!

Если бы она, кстати, Ирина Дмитриевна, не окликала его во второй раз, а просто молча стояла и смотрела, то ничего бы и не изменилось. Но этой, не случившейся метаморфозы, она не знала и, вследствие, определённых свойств её натуры, не могла предвидеть, поэтому и продолжала голосовую атаку своего сожителя. С результатом, равным исходному.

Начав переживать из-за стремительно развивающегося непонимания от сидящего экстрасенса, Ирина Дмитриевна открыла впусившую её дверь и резко захлопнула с приложением значительного усилия. В комнате, от этого стука, интерес к женщине не возрос.

Сильно заинтересованная, но совершенно не переживающая дама, вплотную приблизилась к Лукичу и тщательно заглянула в его глаза. Ей, почему-то, захотелось проверить реакцию глаз, для чего она замельтешила перед его лицом пальцами, ногти на которых были украшены чем-то таким, что напоминало изразцовую плитку.

Зрачки мелко подрагивали, то увеличиваясь, то уменьшаясь в размере. Значит – жив.

Ирина Дмитриевна опустила глаза вниз, до самого стыка рубашки с брюками, и заметила тёмное пятно справа от ширинки.

– А это... что это? Алё!

Женщина выпустила из себя квант механической энергии, эквивалентной по цифровому значению той, которая потребовалась ей для «силового» захлопывания двери. На этот раз испускаемая энергия направлялась сознанием в левую ладонь, которая отвесила неестественно громкий подзатыльник.

– Алё!

– Что?

Ирина Дмитриевна на всякий случай обрадовалась приходу в себя мужчины, но её терзал другой вопрос, который она тут же и озвучила.

– Тебе так понравился мой цвет? – С интонацией, для которой трудно было подобрать определение, женщина указательным пальцем с изразцовым ногтем, перевела бессмысленный взгляд Лукича из «ни во что» на мокрое пятно на брюках.

Виктор Лукич смотрел на свои брюки и молчал. Кто может похвалить тем, что ему известно всё происходящее в могучей голове экстрасенса?

Ещё один подзатыльник, но намного слабее, вкупе с дурацким окриком «алё», вернули сообразительность мужчины в человеческое русло. Он поднял голову и, твёрдо глядя женщине в глаза, спросил.

– Чего?

– Эй-эй-эй! Это мой вопрос – чего? На штанах у тебя чего? Мой новый цвет впечатлил или простата загнобила?

– Какая, на хрен, простата? Чо ты хочешь?

- Чего штаны мокрые?

- Не знаю, ясно? Тут такое происходит!

- Так поделись!

- Не сейчас. Мне надо в себя прийти. У нас выпить есть?

- Нету. Как тебе мой вопрос? Я же хотела тебе приятное сделать!

- Знаешь, что? Приятное.... У бабы Поли все куры во дворе в такую же рябь покрашены, что и ты. Так, что, ты во двор пореже выходи, поняла? А то её петух спутает тебя со своими курами и насильничает.

- Идиота кусок!

- А ты - сельпо! Ты можешь пока не лезть ко мне? Сходи в магазин! Придешь - говорить будем. Что-то произошло такое, что.... Короче, двигай, давай! Только быстро! Обговорить всё надо. Чего губы намандячила? А-а... хороший цвет, тебе идёт. Всё? Тогда топай в магазин.

Дверь, позади Виктора Лукича, всосала женщину обратно, и комнату снова обуяла тишина. Но ненадолго.

В прихожей заскрипела входная дверь, кто-то закашлялся мужским кашлем, и хорошо различимое шлёпанье босых ног приблизилось к комнате экстрасенса.

– Ах, Чудаков, Чудаков, Чудаков! Музыка, песни, интриги и танцы! Привет, кудесник! Как проходят оставшиеся мгновения жизни?

– А-а, это ты.... Ну, привет, Чудаков – человек. Ты по делу? А то....

– Без дела не прихожу. Я тут экспериментальным путём изобрёл кальвадос из прошлогодних яблок. Надо поистязать организм дегустационными причудами. Ты в списке?

– В чём?

– В списке дегустаторов. Я всё принёс с собой. С тебя стол и стаканы. Ирка твоя где?

– В сельпо... чёрт! В магазин пошла, за бутылкой.

– А что ты ей заказал? Снова самую рекламную? «Немиров – метровая с перцем»?

– Да, по херу! Выпить надо. Давай, во дворе сядем, а?

– Изволь! Кальвадос приемлем на любой территории местной галактики.

– Слышь, Чудаков, а ты не можешь не выделяться словами?

– Могу. Но, тогда, я буду похож на вас, простых алкоголиков.

– А так ты похож на алкаша – пришельца?

– Всё дело во внутреннем содержании. Идём!

То, что пили Чудаков и Виктор Лукич, было, даже, приятным. Довольно крепким (я же говорил, что тут пятьдесят два градуса по Фаренгейту), светло-коричневым и обладающим яблочной отрыжкой. Смугляночка и кальвиль снежный, возможен и ранет. Хотя... нет, всё-таки в отрыжке ранет проступал.

Виктор Лукич начал уже отходить от эмоционального ступора, полонившего его неожиданным внутренним разговором. Хмель, значительно ослабивший напряжённость и однобокость мышления, позволил посмотреть с иной стороны на минувшую беседу и, даже, выработать конкретную программу поведения и, вполне возможно, принять решение. Только одно раздражало – петух бабы Поли. Он нервно ходил вдоль разделительного забора, сделанного из плетёной сетки, и не отводил своих подозрительных глаз от калитки Виктора Лукича.

– Заметил – таки, стервец!

– Кто и кого?

– Могла бы, дура, пакет одеть на голову. Ой, не будет ей покоя, ой, не будет.

– Мне стоит поддерживать разговор, или ты сам справишься?

– И на суп баба Поля его не отдаст... ни за что не отдаст.... Попёрло мне с этой Ирккой!

В эту секунду Виктор Лукич ясно осознал, что пьян по-настоящему, иначе не переживал бы так откровенно из-за жены и петуха. Это его развеселило, расслабило и потребовало снова наполнить братину для осушения ея за искусство Чудакова гнать самогон из всего, что растёт и не требует вложения денег.

На исходе второй пол литры стук калитки возвестил о приходе Ирины Дмитриевны.

СИМФЕРОПОЛЬ.

Теперь я перешёл топтаться в зал. Дверь, диван, окно, телевизор, гладильная доска, дверь. Траектория передвижения было довольно примитивной, так что заблудиться я не смог. От скуки я принялся считать шаги, но когда их количество перевалило за две сотни, я стал произносить всякие слова под шаг каждой ноги. Левая – правая, что – делать, левая – что, правая – делать, левая – что, правая – может, завести себе попугая, пусть вместо меня повторяет это пошаговое заклинание? Нет, не заведу, попугаи нынче дороги.левой – что, правой – звонок в дверь. Что-то рановато для возвращения блудного сына в виде Валеры.

Не интересуясь личностью звонящего, я открыл дверь и выглянул в коридор.

С прилепленными улыбками на лицах, передо мной стояли двое – парень в костюме и девица. Парень прижимал к себе книгу, сильно разбухшую от разноцветных закладок, а девица была без макияжа.

- Здравствуйте. Мы хотим поговорить с вами. Вы читали Библию?

- Привет. Как я понял, будет не интересно. Читал. И всё, что вы скажете, меня не интересует. Я православный христианин.

- Ну, мы все христиане....

- Нет, не все. Вы не произнесли слово «православный». Разницу улавливаете? Скорее всего, нет. Если у меня появятся вопросы, я пойду к священникам, прошедшим обряд рукоположения и спрошу у них. Но, не у вас. Это всё?

- Зачем вы так расстраиваетесь? Вы имеете право ходить в церковь, это, даже, хорошо. Но я хочу задать вам вопрос - вы верите в Бога живого?

Первые несколько секунд я оторопело молчал. Такого вопроса мне ещё не задавали.

- А вы можете повторить вопрос?

- Могу. Вы верите в Бога живого?

- Сынок, не обижайся, ладно? Ты - идиот? Ты сам понимаешь, что городишь? Или просто тупо повторяешь чужие слова? Если я открыл тебе дверь, то это, по-твоему, означает, что я такой же идиот, как и ты?

– Я задал вам безобидный вопрос.

– Ладно, я постараюсь говорить спокойно. Верю ли я в Бога живого, так вопрос звучит? Так. Значит, по-твоему, выходит, что на противоположной стороне логической цепочки есть Бог мёртвый? Не мотай головой, а начинай сам думать! Что, «нет»? Если есть Бог, то почему он живой? А какой он должен быть? Прилагательное «живой» даётся только в противовес определённому положению, подтверждающему наличие возможности на противоположное состояние. Не сложно? Если Бог есть, то он только живой, а если он мёртвый, то, так уж вышло, он не Бог. Эта фраза проще. Или у вас два Бога сразу? Если хочешь....

– Кто пришёл? Валера? – Крикнула жена из кухни.

– Нет, хуже! О чём я? А, да. Или Бог есть, или его нет. Это вопрос веры и только, но не вопрос с биологическим подтекстом «живой – мёртвый».

– Я не говорил «мёртвый»....

– Ты не говорил, это правда. Но, идя к людям с этой книгой, ты ещё и не думал. Ты собирался такими вопросами насобирать адептов в свою молельную избу, но никоим образом не собирался вести теософские беседы. Потому, что ты говоришь чужими словами, до которых сам ещё не дошёл. И закладки в твоей Библии разного цвета, знаешь почему? Чтобы открывать подходящие цитаты под соответствие моменту. Зелёная – ни о чём, а красная, скорее всего, из «Апокалипсиса». Для устрашения слушателей и подтверждения предсказаний.

– Но послушайте, апостол Павел, в послании....

– Стоп! Если мне понадобится вспомнить, что и кому апостолы посылали в посланиях, я возьму Библию и прочту. Сам. А почему ты не цитируешь «Евангелие»?

– Это одна и та же книга.

– Не ври. Всё писалось разными людьми и в разное время, да и название далось диаметрально противоположное – «Старый» и «Новый». Улавливаешь? Ты опять ищешь цитату? Выбрал синюю закладку, да? Не хочу слушать. Если ты такой приверженец Библии, то, скажи мне, ты обрезан?

– Что? Не понял....

– Всё ты понял. Ты обрезан? Библия написана евреями и для евреев, а у них это дело есть обязательное.

– Нет, я не обрезан. Я вам хочу прочесть....

– Не буду я тебя слушать! Ещё один вопрос – в книге «Числа» Бог наказывает мужчинам из колена Левитова быть священниками и охранниками святынь. Что тут делает эта дама?

Я задал этот вопрос не из личной неприязни к девице, а потому, что она несколько раз порывалась встрять с замечаниями в разговор.

– И, вот ещё что. Вы, господа, которые пришли ко мне, странные. Вы из Библии выбрали для себя что-то удобно-выгодное, а остальное просто не замечаете. Или

вы Библию полностью принимаете и следуете каждой её букве, или вы врёте себе и другим.

– Может быть, я и не готов, полностью, к такому разговору, но Иисус сказал, что там, где трое соберутся во имя моё, там и я среди них.

– Сынок, в катастрофических масштабах своей невежественной глупости, тебе нет равных. Иисус никогда не говорил ничего буквально. Всё им сказанное – эвфемизмы, притчи и намёки. Он сказал, что там, где соберутся трое, но не с бутылкой трое, а с верой, понимаешь, с верой, то дальше по тексту. И не с трёпом о Боге живом. И, если ты не готов к такому разговору, то сиди дома и читай. Думай, читай, потом опять думай, а не таскайся по квартирам, подыскивая себе паству. Или, что ещё хуже, паству для кого-то другого. Это, сынок, пирамида. Всё, будь здоров!

Дверь захлопнулась намного сильнее, чем должна была бы закрыться.
Переборщил я с нервами.

– Зачем ты отвязался на них?

– А зачем они пришли? Причём, сами. Мне перестало нравиться, когда меня считают глупым.

– Тебе об этом напрямую сказали?

– Перестань. Я сказал только то, что я думаю. А если я так думаю, то я в этом уверен. И, следовательно, прав. И моей правоты достаточно, чтобы говорить так, как я говорил.

– По-моему, ты грубо с ними говорил.

– Ничего подобного! Эта молодёжь подгоняет ситуацию с верой под себя, понимаешь? Чтобы покрасоваться. Не стану оскорбительно отзываться ни о ком, но любой человек может ходить по квартирам и сыпать цитатами из Библии, которые были заранее подготовлены. Я не дал ему прочесть ни одной, и знаешь, что он мне сказал? Он сказал, что не готов к подобному разговору. Ловко выкрутился, правда? А почему он не готов? Потому, что вера у него показушная. Это не осуждение, это констатация. Что ему стоило сказать, что он считает себя правым во всём потому, что он верит? Что он считает неправым меня? Опять-таки, исходя из собственной веры? Почему он так не сказал? Потому, что такой цитаты у него не припасено. У каждого есть своё понимание веры, правильно? Но одно общее всё же есть – вера. Вера, это взаимоотношение одного человека с тем, кого он считает Богом. Од-но-го! Вера – это труд, за который придётся отвечать. Вот представь себе, ты... нет, скажу иначе. Некто попадает после смерти на суд к Богу и его спрашивают, мол, чем ты занимался на земле? Как чем, отвечает некто, я ходил и носил людям слово Божье. Это я как раз и понял, говорит Бог, люди, там, по квартирам, старушки, это я всё видел. Чем ты занимался с той душой, которую я тебе дал? Некто снова за своё, мол, так я и говорю, что к людям ходил, слово, опять же, носил. Бог говорит, – ты, видать, вопроса моего не понял, да? Я душу дал тебе, только тебе и именно тебе. Как ты её воспитал, вырастил, доброту, прощение и остальное сделал? На что потратил время, данное только тебе? На других? Так я с других потом и спрошу, что они делали и почему не развились. А конкретно ты, что ты делал? Ходил и тратил время, вместо того, чтобы развиваться самому? То есть, ты украл у меня время, которое ты не потратил на себя и на развитие души по моему образу и подобию? Ты Иисус читал? Так у него это называется грех. Понимаешь, в чём штука? Воровство не материальное, а воровство времени, которое ты мог потратить на себя. И что может противопоставить этот некто? То, что он взялся за богословие вместо тех людей, которые теософию и теологию изучают годами и традиционно рукоположены на служение тому самому Богу, которого этот юноша решил назвать «живым»? Мало того, он ведь и у меня украл часть моего времени, которое я собирался потратить на что-то полезное для себя, при этом, он ведь не спросил у меня, есть ли у меня на него время и желание с ним беседовать? А барышня, с которой он пришёл? Без макияжа, с зализанными волосами – изображает вселенскую скорбь. Хотя, именно тот самый пастырь, который их сюда прислал, и запрещает краситься. А я тебе точно говорю, что идя по улице, эта барышня засматривается на других девиц, которые в помаде

и в тених. Вопрос – ей не хочется сделать макияж и приодеться? Ой, как хочется! Тогда, что её останавливает? Вера? Глупости! Это не ислам, который устанавливает правила для женщин, это – игра на публику для показа своих страданий. Ты сможешь поверить, что ей, в её девятнадцать – двадцать лет, не хочется иметь красивый мейк-ап и красивую одежду? И я не верю. Значит, это маркетинговый ход и его использовали для меня приходящие менеджеры от религии.

– Тебе хочется выговориться? Я не буду тебя перебивать.

– Дело не в том, хочу я выговориться, или нет. Дело в том, что меня, а если бы вышла ты, то и тебя, посчитали бы среднестатистической единицей, которая подлежит соответствующей обработке. И неважно кто приходил – эти сектанты или агитаторы на выборы очередного всенародно любимого. Кто-то сильно страдает от нехватки денег и, соответственно, власти. Нас обрабатывают для подчинения кому-то, понимаешь? Кто-то страдает без культа его личности, а прикрытие для такой обработки может быть любым – от Бога живого до страстной любви к народу, как у премьерши на доверии, которую сейчас судят. Кстати, второй человек в её партии по совместительству и есть главный пастырь страны. Обработка идёт с двух сторон и уже есть результаты. Но обидно то, что нас с тобой считают быдлом, которое можно затуманить болтовнёй, подобной недавней и перетащить под свой каблук. Мне это не нравится, и я буду с ними говорить так, как посчитаю нужным, потому, что они меня не считают за ровню. А вот на минуту представь, только на минуту представь, что я окончил духовную академию очно. Представила? Вот, и тут приходит такой менеджер с закладками, и с фригидно – фальшивой барышней и вопрошают о Боге живом. Ну, не парадокс? Может, им стоило бы узнать, с кем сведёт судьба разговаривать? Не-а, не хотят, Они просто идут к двери и лупят такие вопросы.

– Ты о ком тут соловьём свистишь? – Из-за моей спины спросил Валера, тихо зашедший в квартиру. – Если про пару баптистов, то их консьерж отловил и нагнал. Они на бэхе прикатили, джип седьмой модели.

– Видишь, Бог их всё-таки любит, без макияжа и в БМВ. А я тут вера....

– Пошли, посмотрим, чего я нарыл.

– Пошли. Мне кажется, что дело началось.

МАЛЕЧКИНО. ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Утро началось неожиданно. Совершенно не похмельное состояние, ясность ума и отсутствие жажды в первые секунды после пробуждения, сначала обрадовали и удивили, а после здорово насторожили. Ничто Виктора Лукича так не беспокоило, как отсутствие постоянства и предсказуемости в вопросах утренней абстиненции.

Экстрасенс сел на кровати и, используя сильнейшую амплитуду колебательных движений, замотал головой из стороны в сторону. Самые худшие его опасения начали подтверждаться – похмелья не было! Мало того, Лукич смог вспомнить весь вчерашний вечер, вплоть до касания головой подушки. Он смог бы пересказать дословно весь вчерашний разговор с тещей Кольки Марьянова, приходившей вчера за снадобьем и оставившей у него на столе вторую часть оплаты. Что, твою мать, происходит, а?

Не одеваясь, Виктор Лукич вышел в люди, простите, в зал. Пройдя через него, он натолкнулся на плотную стену запаха, выплывающего из кухни. Что-то произошло страшное – нет похмелья, и Ирка готовит завтрак. Или заговор, или конец света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/yarkov_oleg/yuzhnoe-napravlenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)